

RU

Использование эпитетов в русских духовных стихах: возможная обусловленность выбора языковых единиц

Котов А. А., Мухина Е. А.

Аннотация. Цель исследования – обосновать возможную обусловленность выбора эпитетов в текстах русских духовных стихов. В статье рассмотрены атрибутивные конструкции с прилагательным, в которых представлены частотные общефольклорные (прилагательные-колоративы) и жанрово обусловленные эпитеты, встречающиеся в вариантах популярных духовных стихов на общерусские сюжеты. Стихи о праведниках показательны с позиции художественных задач жанра и, в силу своей распространенности и популярности, характеризуются достаточно большим количеством вариантов, что позволяет рассмотреть особенности функционирования эпитетов в одном сюжете. Научная новизна определяется: необходимостью разработки практической модели анализа использования языковых единиц на материале жанра духовного стиха; выявлением и описанием лингвистических и экстралингвистических параметров, обуславливающих использование эпитетов в русских духовных стихах. В результате исследования была установлена тесная связь между выбором эпитета, сюжетом и фигурой конкретного исполнителя, который, выступая субавтором фольклорного произведения, в зависимости от определяемых им задач, трансформирует систему инварианта, в том числе и на уровне языковых средств. На языковом уровне это находит свое отражение в употреблении общефольклорных и жанрово обусловленных эпитетов.

EN

The use of epithets in Russian spiritual verses: possible determinants of linguistic unit selection

A. A. Kotov, E. A. Mukhina

Abstract. The research aims to substantiate the possible conditioning of the choice of epithets in the texts of Russian spiritual verses. The article examines attributive constructions with adjectives, presenting frequent general folklore (colorative adjectives) and genre-specific epithets found in variants of popular spiritual verses on common Russian subjects. Verses about righteous individuals are indicative from the perspective of the artistic tasks of the genre and, due to their prevalence and popularity, are characterized by a relatively large number of variants, which allows for examining the peculiarities of epithet functioning within a single plot. The scientific novelty is determined by the need to develop a practical model for analyzing the use of linguistic units based on the material of the spiritual verse genre; the identification and description of linguistic and extralinguistic parameters conditioning the use of epithets in Russian spiritual verses. The research established a close connection between the choice of epithet, the plot, and the figure of the specific performer, who, acting as a sub-author of the folklore work, transforms the invariant system depending on the tasks they define, including at the level of linguistic means. At the linguistic level, this is reflected in the use of general folklore and genre-specific epithets.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена, с одной стороны, интересом к русскому фольклору, который многими рассматривается как источник духовности, как средство, которое может быть использовано в процессе воспитания и духовно-нравственного развития человека-созидателя, а не человека-потребителя. С другой стороны, в специальных работах по лингвофольклористике русские духовные стихи, представляя собой поэтическое воплощение «народного православия», с позиций жанра лишь фрагментарно подвергались специальному анализу в различных лингвистических аспектах. Русские духовные стихи, которые в русском фольклоре находятся на втором месте после былин и занимают значимое место в эпическом наследии

русского народа, почти не изучались с точки зрения использования эпитетов. Специальных работ, посвященных этому вопросу, немного; существующие на сегодняшний день исследования (Никитина, 1991; 1993; Петров, 2011; Котов, Мухина, 2022; 2023) не создают целостную картину, которая позволила бы увидеть и объяснить специфику использования эпитетов в текстах духовных стихов.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

1) рассмотреть использование эпитетов в русских духовных стихах в качестве одного из важных элементов языковой системы жанра;

2) определить круг текстов для анализа;

3) выявить наиболее частотные эпитеты и проанализировать их употребление в выбранных стихах;

4) установить, какую роль играет фигура исполнителя в выборе эпитета в тексте духовного стиха.

Для проведения исследования в данной статье применяются следующие методы: метод сплошной выборки материала, позволяющий подобрать примеры для анализа и иллюстрации теоретических положений; метод контекстуального анализа, направленный на изучение функциональной специфики слов и их значений в данном тексте или его фрагменте; метод когнитивного анализа, направленный на выявление специфики фольклорного мышления субъекта; метод статистического анализа, способствующий определению частотности использования эпитетов в анализируемых текстах.

Материалом для исследования послужили стихи на общерусские сюжеты из следующих сборников: «Сборник русских духовных стихов», составленный представителем мифологической школы В. Варенцовым (при цитировании – Варенцов) (Варенцов, 1860), «Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX веков» (при цитировании – ГК) (ГК, 1991), «Русские эпические песни Карелии» (при цитировании – РЭПК) (РЭПК, 1981). О двух первых сборниках мы писали ранее (Котов, Мухина, 2023). Последний сборник включает тексты, собранные на территории современной Республики Карелия в 1930–60-е годы. Материалы долгое время хранились в архиве Республики Карелия и впоследствии были включены в более полный сборник «Духовные стихи Русского Севера» (2015).

В рамках данной работы мы рассмотрели следующие наиболее популярные и распространенные духовные стихи: «Два Лазаря» – 8 вариантов; «Алексей человек Божий» – 4 варианта (в сб. Варенцова данный сюжет отсутствует); «Егорий Храбрый» (Мучения Егория) – 7 вариантов. Данные общерусские сюжеты повествуют о праведниках и важны с точки зрения художественных задач жанра, т. к. на конкретных образах рассмотрено, как в земном человеке проявляется духовное начало. Сюжеты о праведниках, характеризующиеся важностью с точки зрения художественных задач жанра, позволяют рассмотреть отличие представления об этической норме традиционного фольклора и духовных стихов, в которых ценится внутренняя красота человека, показывается ценность не богатства, а бедности, где главную роль играет душа человека, а не его телесная оболочка, где все поступки оцениваются по шкале *грех* – *праведность*, что подчеркивает важность духовных качеств героя; образы праведников позволяют понять, что главным являются духовные ценности и нравственные идеалы.

Теоретическую базу составляют работы Ф. И. Буслаева (1959), А. А. Потебни (1905; 1993), А. Н. Веселовского (1989), В. М. Жирмунского (1992), Б. В. Томашевского (1996), Н. П. Булаховой и А. П. Сковородникова (2017), связанные с изучением теории эпитета.

Ф. И. Буслаев (1959), рассматривая адъектив и эпитет, указывал, что эпитетом может быть только то прилагательное, которое при наименовании предмета не привносит никаких дополнительных оттенков, поэтому, согласно мнению исследователя, эпитетом могут быть только постоянно сопровождающие предмет прилагательные, т. е. постоянные эпитеты, которые характерны для фольклорных текстов: *синее море, чистое поле, зеленая трава* и др.

Данный подход к определению эпитета отражен также в работах А. А. Потебни (1993), который в рамках концепции о внутренней форме слова указывал на возможность ее актуализации в сочетаниях существительных и постоянных эпитетов.

А. Н. Веселовский (1989), являясь основоположником теории исторической поэтики, подчеркивал важность рассмотрения эпитета, что обусловлено его влиянием на развитие литературы. По мнению Веселовского, даже за обыденными определениями скрыта «глубокая историко-психологическая основа, целая история развития вкуса и стиля, от представления о практической пользе и желаемом до выделения эстетического идеала» (1989, с. 59). В отличие от предшественников, А. Н. Веселовский выходит за границы корпуса постоянных эпитетов, указывая на их тавтологичность и принадлежность (как правило) к народно-поэтическому стилю, и относит к эпитетам пояснительные определения, разграничивая синкретические эпитеты и эпитеты-метафоры. Именно А. Н. Веселовский одним из первых ввел разграничение *постоянных* (народно-поэтических), *общезыковых* и *индивидуально-авторских* эпитетов.

Неоднозначность понимания границ эпитета ведет к различным определениям данного явления, согласно которым эпитет рассматривается или как свойственное языку аналитическое определение, или как собственно поэтический прием. Так, Б. В. Томашевский (1996) и В. М. Жирмунский (1992) указывали на то, что сущность эпитета заключена в повторе, что обусловлено функцией эпитета – выделение типического, идеального признака определяемого понятия.

Вслед за Н. П. Булаховой и А. П. Сковородниковым авторы статьи рассматривают эпитет как «*экспрессивное, то есть образное и/или эмоционально-оценочное определение предмета, явления, признака, признака и действия, создающее или подчеркивающее (интенсифицирующее) их изобразительное качество и/или аксиологическую характеристику и тем самым воздействующее на адресата*» (2017, с. 135), но с двумя важными уточнениями:

1) со структурно-грамматической точки зрения определения должны быть построены по схеме «определяемое существительное / субстантив + атрибутивный адъектив» или «атрибутивный адъектив + определяемое существительное / субстантив»;

2) с учетом становления и развития фольклорной традиции мы должны учитывать постоянные эпитеты, которые, помимо своего *постоянства*, отличаются такой специфичной чертой, как *обобщенность*, поскольку создателем фольклорного произведения является коллективный автор, и его видение мира, представленное в тексте, в любом случае отражает общие (коллективные) представления этноса об устройстве окружающего мира.

Практическая значимость обусловлена возможностью использования результатов исследования при чтении в высших учебных заведениях таких дисциплин, как «Этнолингвистика», «Когнитивная лингвистика», «Язык русского фольклора», «Функционально-теоретический курс русского языка».

Обсуждение и результаты

Фольклорные эпитеты становились предметом изучения в работах многих исследователей прошлого века. А. П. Евгеньева (1948; 1963), рассматривая былины, называла важнейшей чертой языка произведений устного народного творчества наличие постоянных эпитетов и отмечала, что постоянство предусматривает «ограниченность сочетаний определения с определяемым – в этом именно и заключается постоянство» (1948, с. 160). Функция постоянного эпитета заключается не только в создании идеального плана повествования, но и в характеристике предметного признака, важного для понимания свойств объекта.

Ф. М. Селиванов (1977; 2009), обращаясь к языку былины и указывая на важность постоянных эпитетов в фольклоре, подчеркивал значимость изучения эпитетов в сочетании с характеризруемыми ими предметами, что позволяет получить представление и о самом предмете. В случае «изучения эпитетов некотором отвлечении от определяемых ими слов вело бы к наблюдениям лишь над одним из элементов художественного языка былин» (Селиванов, 2009, с. 210).

С. Г. Лазутин, рассматривая язык частушек, отмечает как употребление большого количества эпитетов, перешедших из традиционных лирических песен, так и употребление «всевозможных новых эпитетов», способствующих созданию множества «довольно индивидуализированных внешних портретов» (1981, с. 142). Исследователь приходит к выводу о том, что «частушечные эпитеты по выражаемым мыслям и чувствам, а также по запечатленному ими характеру поэтического мышления и методу художественного творчества в сравнении с былинами и традиционными песнями свидетельствуют о последующей ступени в развитии народной поэзии» (Лазутин, 1981, с. 146).

Изучение эпитетов в связи со спецификой их использования в различных жанрах русского фольклора продолжается и в настоящее время (Слесарева, 2011; Егорова, 2018; Вавилова, 2020; Черноусова, 2024; Жарникова, Цыденова, 2024).

Говоря о духовных стихах, следует обратить внимание на специальные работы С. Е. Никитиной (1991; 1993), А. М. Петрова (2011), А. А. Котова и Е. А. Мухиной (2022; 2023). Так, С. Е. Никитина (1991) подчеркивает оценочность большинства эпитетов и преобладание в них этической оценки, которая может занимать место и других видов оценки, в частности эстетической. Исследователь отмечает, что в текстах представлены как эпитеты, характерные для всех жанров фольклора, например, *добрый* и *злой*, так и эпитеты, «встречающиеся только или преимущественно в духовных стихах» (Никитина, 1991, с. 147): *безгрешный*, *бесповинный*, *благовестный* и другие, т. е. речь идет об общефольклорных и жанрово обусловленных эпитетах.

Указанные выше работы охватывают не весь спектр вопросов, связанных с функционированием эпитетов как в целом в русском фольклоре, так и в духовных стихах в частности. Мы не имеем полного представления об этом явлении, поэтому данный вопрос требует более глубокого изучения.

В нашем предыдущем исследовании (Котов, Мухина, 2023) мы проанализировали более 500 текстов духовных стихов и выделили 2 группы наиболее частотных эпитетов:

- группа 1 – общефольклорные эпитеты, 20 единиц: *белый, красный, синий, желтый, серый, зеленый, светлый, темный, ясный, чистый, сахарный, широкий, высокий, сырой, великий, буйный, честный, добрый, премудрый, лютый*;

- группа 2 – жанрово обусловленные эпитеты, 8 единиц: *Божий, небесный, Господний, святой, грешный, праведный, христианский, вечный*.

Эпитеты, принадлежащие к обеим группам, используются в текстах вместе с наименованием субъекта или объекта (здесь наблюдаются варианты лексем) и представляют собой устойчивые образные формулы, формирующие (в первом случае) универсум русского фольклора в целом, во втором – жанрово обусловленные устойчивые сочетания, характерные для универсума русского духовного стиха.

Список наиболее частотных эпитетов включает 28 лексических единиц; также мы учитывали однокоренные варианты с пересекающейся лексической семантикой – приставочные дериваты и сложные слова, состоящие из 2 корней, один из которых входит в состав нашего списка: *белый/белокаменный; желтый/рудожелтый/крутожелтый; светлый/пресветлый; чистый/пречистый; мудрый/премудрый; святой/пресвятой; грешный/многогрешный; вечный/превечный/предвечный*. С учетом однокоренных вариантов общее количество наиболее частотных эпитетов составляет 36 единиц; тексты духовных стихов были последовательно проанализированы с точки зрения наличия/отсутствия эпитетов из сформированного нами списка. Полученные результаты мы приводим далее в виде сопоставительной таблицы (Таблица 1).

Таблица 1. Использование наиболее частотных общефольклорных и жанрово обусловленных эпитетов в текстах духовных стихов

Общефольклорные эпитеты																		
Эпитет	«Два Лазаря»								«Алексей человек Божий»		«Егорий Храбрый» (Мучения Егория)							
	ГК	Варенцов	РЭПК	ГК	Варенцов	РЭПК	ГК	Варенцов	РЭПК	ГК	Варенцов	РЭПК	ГК	Варенцов	РЭПК	ГК	Варенцов	РЭПК
белый (белокаменный)	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	+	+	-	+	-	+	+	-
красный	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	+	-	+	+	-
синий	+	-	-	-	-	+	-	-	+	-	+	-	-	-	-	+	-	-
желтый (рудожелтый, крутожелтый)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	+	+	-
серый	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-
зеленый	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
светлый (пресветлый)	+	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
темный	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
ясный	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
чистый (пречистый)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-
сахарный	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
широкий	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
высокий	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-
сырой	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-
великий	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	+	-	+	-
буйный	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	+	-
честный	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
добрый	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	+	-	-
мудрый (премудрый)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
лютый	+	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
Жанрово обусловленные эпитеты																		
Божий	+	-	+	-	-	+	-	-	+	-	+	-	+	-	-	-	-	-
небесный	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-
Господний (господов)	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
святой (пресвятой)	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	+	-	-
грешный (многогрешный)	+	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
праведный	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
христианский	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
вечный (превечный, предвечный)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Приведенные данные позволяют сделать следующие наблюдения:

1) из корпуса общефольклорных эпитетов в рассмотренных нами текстах не фиксируются эпитеты *зеленый, широкий, честный*;

2) наиболее частотными (с точки зрения фиксации в том или ином сюжете, его варианте) являются общефольклорные эпитеты-колоративы *белый, красный, синий, желтый*;

3) из корпуса жанрово обусловленных эпитетов в рассмотренных нами текстах не фиксируются эпитеты *христианский, вечный*;

4) наиболее частотными (с точки зрения фиксации в том или ином сюжете, его варианте) жанрово обусловленными эпитетами являются *Божий, святой (пресвятой)*;

5) в целом частотность (фиксация в том или ином сюжете, его варианте) общефольклорных эпитетов выше в сравнении с жанрово обусловленными.

В ряду общефольклорных эпитетов в первую очередь обращают на себя внимание эпитеты-колоративы. Наиболее частотным является эпитет *белый*, который в духовных стихах встречается чаще при описании тварных сущностей, реже – сущностей божественных: *белое полотно, белые палаты, белый свет, белая заря*. *Белый* является, в первую очередь, символом чистоты и встречается во всех трех рассматриваемых сюжетах. Так, после смерти бедного Лазаря:

Укладывали душеньку на **бело** полотно,
А поднимали душеньку на небеса,
А принимали душеньку Исак да Абрам,
А кладывали душеньку во светлой рай (РЭПК, 1981, с. 189).

Герои живут в белокаменных палатах. В данном случае сложное прилагательное встречается при описании локуса как праведника, так и безбожника Демьянища:

Пошел Олексий с Божьей церкви
В свои **белокаменны** палаты (ГК, 1991, с. 128);
Святой Егорий проезжаючи,
Святую веру утверждаючи,
Наезжал палаты **белокаменны**,
Да где же пребывает царище Демьянище,
Безбожный пес бусурманище (ГК, 1991, с. 153).

Устойчивое выражение *белый свет* объединяет все сотворенное: он включает не только землю, но и небесные светила – солнце, звезды, луну – и имеет своим источником Иисуса Христа или Святого Духа. В духовном стихе *белый свет* может выступать синонимом земной жизни:

*Завидел Егорий свету **белого**,
Услышал звону колокольного,
Обогрело его солнце красное* (ГК, 1991, с. 53).

Белая заря, символизирующая новое начало, душевную ясность, упоминается при описании действий богатого Лазаря:

*<...> Лежалъ богачъ Лазарь день до вечера,
Во всю темну ноченьку до **бѣлый** зари;
На **бѣлую** на зареньку образумился,
Да не узрилъ богачъ Лазарь свѣту вольнаго <...>* (Варенцов, 1860, с. 69).

Следующий по частности фиксации эпитет *синий* употребляется во всех сюжетах только с одним существительным – *море* (в текстах часто используется усеченная форма прилагательного в различных падежных формах):

*Пошел Олексий ко **синю морю**,
Становился в маленький кораблик* (ГК, 1991, с. 131);
*Стало царство в опасности,
Стали жертвы высылать да по **синю морю**,
Стали дуть, метать тут жеребы,
Кого отдать змею да на съедение* (РЭПК, 1981, с. 49).

Общефольклорная формула *синее море*, во-первых, не свойственна всем вариантам рассматриваемых сюжетов (см. Таблицу 1), во-вторых, может появиться в результате контаминации сюжетов исполнителем. Так, в стихе о двух Лазарях эпитет *синий* присутствует в том случае, если певец включает в ткань текста описание нахождения героев в потустороннем мире и обращение богатого Лазаря к бедному с просьбой о помощи:

*«Милостивый братец, убогий Лазарь!
Выступи, братец, из раю ты вон,
Ты поди, родимый мой, на **сине море**,
Помокни ты, братец, мизинный свой перст,
Покропи мне, братец, кровавы уста»* (ГК, 1991, с. 121).

Вариант «Кудряянище» соединяет два сюжета: Мучения Егория и Егорий и змей. Море – примета стиха о Егории и змее, следовательно, употребление эпитета *синий* обусловлено контаминацией сюжетов, что связано с фигурой конкретного исполнителя.

Эпитеты *серый (камень)* и *желтый (песок)* в нашем материале встречаются лишь в одном из рассматриваемых сюжетов – «Егорий Храбрый» (Мучения Егория) (см. Таблицу 1), – в котором муки Егория описаны подробно:

*Посадила Егорья-свѣта со матерью
Во томъ погребѣ во глубокомъ,
Задерживалъ рѣшеточки желѣзные,
Желтымъ пескомъ призащипывалъ,
Сѣрымъ камнемъ призаваливалъ <...>* (Варенцов, 1860, с. 96).

Рассмотрим наиболее частотные жанрово обусловленные эпитеты – *Божий* и *святой*. Адъектив *Божий* (*престол, закон, человек, церковь, пелена, грамота, повеление*) свойствен для всех трех сюжетов, но не для всех вариантов (см. Таблицу 1):

*Прибрали ему младую княгиню
Во славномъ во граде во Риме,
В Божью церкву приводили,
Под златымъ венцомъ они стояли,
С единыя чаши испивали,
Кругъ наложя трижды обводили,
Единъ чуденъ крестъ целовали,
Весь **Божий закон** принимали* (ГК, 1991, с. 128);
*Отдает его батюшка в школу
Грамоте Божьей поучаться* (ГК, 1991, с. 137);
*Приехал Олексюшка в деревню –
И прямо во **церковь во божью*** (РЭПК, 1981, с. 192).

Эпитет *Божий* указывает на принадлежность сакральным сущностям, является мерилом добра и зла, праведности и греха, а также выделяет из круга действующих лиц героя, указывая на его богоизбранность. Так, в духовном стихе пустыня, являющаяся сакральным локусом, где происходит прорыв земного пространства в небесное, отвечает только праведникам, например, Алексею:

*Пустыня ёму отвѣдает:
«Ай же ты, Олексий **человекъ божий**,
Чего ты сюды ко мне приехал?
Нетъ во мне красного ношенья,*

*Нет у во мне сладкого еденья,
Нет во мне садов-то, виноградов,
Нет во мне царских забавов»* (РЭПК, 1981, с. 191).

Те же функции свойственны эпитету *святой/пресвятой* (Богородица, Троица, Русь, Егорий, отец, душа, милостынька):

*«Верую в веру крещеную,
Во крещеную, богомольную,
Самому Христу, Царю Небесному,
Во Мать Пресвятую Богородицу,
Еще в Троицу неразделимую!»* (ГК, 1991, с. 49);
*А как тридцать лет исполнилось,
Святому Егорью во сне виделось:
Да явилось солнце красное,
Еще явилась Мать Пресвятая Богородица,
Святу Егорью, свет, глаголет <...>* (ГК, 1991, с. 53).

Возникает правомерный вопрос: с чем связано присутствие эпитета в тексте и чем объясняется его выбор? Согласно концепции Е. Б. Артеменко (1998), номинации «повествователь», «сказитель», «эпический певец» в фольклоре обозначают, во-первых, эпического певца, конкретное лицо, которое воплощает образ коллективного творца; во-вторых, это обобщенный образ коллективного творца, который выступает носителем нарративной функции.

Е. Б. Артеменко (1998) при рассмотрении жанра былин отмечает наличие двух типов повествователя: повествователя-1 и повествователя-2. В первом случае (повествователь-1) речь идет о конкретном певце, в ведении которого находится субъектно-речевая структура текста, организация динамики повествования. Исполнитель расставляет акценты согласно своему видению описываемого. Во втором случае речь идет о коллективном творце (повествователь-2), который подчинен повествователю-1. Мы полагаем, что использование эпитетов также тесно связано с фигурой конкретного исполнителя, певца (повествователя-1).

Данное наблюдение находит свое подтверждение при рассмотрении вариантов одного сюжета. Замечено, что даже при сохранении сюжетной линии певец меняет описание действия, что ведет к вариациям устойчивой образной формулы. Показателен рассказ об изъятии души из тела бедного Лазаря:

*А выслушал господи, Спас милостливой,
А праведно моленщице Лазырьёвое,
А прислал к ёму господи двух ангелков,
А двух ангелков, да двух милостливыхх.
А кличут ту душеньку, выкликали,
А манят ту душеньку, выманили.
Укладывали душеньку на **бело полотно**,
А поднимали душеньку на небеса,
А принимали душеньку Исак да Абрам,
А кладывали душеньку во светлой рай* (РЭПК, 1981, с. 189);
*Послал к ему господи двух ангелов,
Кротких, смиренных и милостливыхх,
Шобы его душу честно выняли бы,
Положили душу на **серебряно блюдо**,
Гоняли душу вверх на небеса,
Посадили душу во прекрасный рай,
Возле Абрама, возле Исака* (РЭПК, 1981, с. 254);
*И услышал господи моление его,
Моление его, моление Лазарево,
И послал-то господи трех ангелков,
И трех ангелков, да трехведь милостливыхх.
И полоскали душеньку в чаше золотой,
И полагали душеньку на **божий престол*** (РЭПК, 1981, с. 218).

Обращаем внимание: исполнитель заменяет субъект (*полотно – блюдо – престол*), что ведет и к вариации эпитетов (*белый – серебряный – божий*). Мы видим, что выбор того или иного эпитета предопределен выбором и включением субъекта/объекта в художественную ткань текста. В свою очередь выбор субъекта или объекта обуславливается тем, как определяет свою роль певец, какую цель он преследует, исполняя произведение. Но даже в этом случае, за редким исключением, в тексте используется тот эпитет, который характеризуется частотностью употребления в сочетании с данным субстантивом – так формируется определенная формула или устойчивая модель. Например, герои духовных стихов *ангелы* всегда (*не*)*кроткие*, (*не*)*милостливые*, (*не*)*жалостливые*, (*не*)*смирненные*, (*не*)*грозные*. Они не могут быть (*не*)*свиные*, (*не*)*озлобленные*, (*не*)*кровожадные* и т. д.

Сопоставительный анализ вариантов духовного стиха позволяет говорить о наличии нескольких типов конкретного исполнителя (повествователь-1), который по-разному видит выполнение своей миссии, что на уровне лингвистической манифестации отражается на выборе тех или иных языковых средств:

1) повествователь – приземленная личность, для которой главным является передача важных событий стиха;

2) повествователь – патетическая личность, которая выполняет свою миссию, заключающуюся в духовном просветительстве и воспитании;

3) повествователь – творческая личность, которая характеризуется большим воображением и нацелена на психологизацию персонажей;

4) повествователь – личность, которая соотносит себя с былинным сказителем и использует общефольклорные эпические формулы.

Текст духовного стиха – автономная микросистема инварианта, которая по-разному реализуется в каждом конкретном случае исполнения и зависит от авторского видения и личности сказителя, что обуславливает и языковые особенности текста, в частности выбор эпитета.

Заключение

В ходе исследования мы пришли к следующим выводам.

Эпитеты являются активным элементом языковой системы духовного стиха, что обусловлено выполняемой ими функцией – характеристикой разнообразных предметов и явлений, которые формируют пространство стиха. Ориентированность жанра на оценку личности не только покорной воле Бога, но и готовой к покаянию, приводит к использованию, наряду с общефольклорными, эпитетов, направленных на создание образной и (или) эмоционально-оценочной характеристики предметов, явлений, прямо (или косвенно) связанных с Богом и божественным началом. Формируется универсум духовного стиха, в котором подчеркивается важность всего, что связано с христианской верой.

Сопоставительный анализ вариантов духовных стихов позволяет сделать общий вывод о жанровом инварианте духовного стиха, который являет собой достаточно глубокую разработку субъектно-речевой структуры. Анализ используемых языковых средств жанрового инварианта свидетельствует о создании повествователем-2 (коллективным певцом) общей атмосферы приподнятости, торжественности, общей этической жанровой модальности, очерчивающей духовную направленность произведений.

Эпические духовные стихи в силу специфики повествования отличаются включением в текст большего количества субъектов или объектов, что влечет за собой употребление эпитетов, участвующих в создании окружающей действительности; частотность употребления эпитета позволяет проследить их связь с сюжетом духовного стиха, определить личное отношение певца к повествованию; анализ эпитетов позволяет выявить авторскую позицию, эмоциональное настроение и ценностные ориентации, заложенные в произведении.

В рассмотренных нами текстах наиболее частотными являются общефольклорные эпитеты-кolorативы *белый, красный, синий, желтый*, а также жанрово обусловленные эпитеты *Божий, святой (пресвятой)*; при этом общая частотность (фиксации в том или ином сюжете, его варианте) общефольклорных эпитетов выше в сравнении с жанрово обусловленными.

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что выбор эпитетов находится в ведении конкретного певца (повествователь-1), который является субавтором произведения и выполняет функцию репрезентации и реализации свойственного народу творческого начала. Коллективный певец (повествователь-2) в этом случае лишь создает общую атмосферу приподнятости, торжественности, создает духовную направленность произведений. Исполнитель в зависимости от видения своей миссии по-разному повествует о событиях: он решает, упоминать или не упоминать в тексте тот или иной субъект или объект, что впоследствии отражается на употреблении эпитета. Личностное восприятие и внутреннее отношение певца к содержанию отражаются в характере и частоте употребления эпитетов, что делает их важным инструментом выражения авторской и исполнительской позиции.

В качестве перспектив дальнейшего исследования планируется работа, направленная на выявление круга субстантивов, которые употребляются с жанрово обусловленными эпитетами, а также изучение текстов одного исполнителя для определения особенностей его идиостиля.

Материалы исследования | Research materials

1. Голубиная книга: русские народные духовные стихи XI-XIX вв. / сост., вступит. ст., примеч. Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокошина. М.: Московский рабочий, 1991.
2. Духовные стихи Русского Севера / сост. В. П. Кузнецова; сост. нот. прил. Г. В. Лобкова, М. Н. Шейченко. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015.
3. Русские эпические песни Карелии / изд. подгот. Н. Г. Черняева. Петрозаводск: Карелия, 1981.
4. Сборник русских духовных стихов / сост. В. Варенцовым. СПб., 1860.

Источники | References

1. Артеменко Е. Б. К проблеме повествователя и его языковой репрезентации. На материале былинного эпоса // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. 1998. Вып. 11.
2. Булахова Н. П., Сковородников А. П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2.

3. Буслаев Ф. И. Предмет и его эпитет // Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959.
4. Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка. М.: Просвещение, 1992.
5. Вавилова К. Ю. Символика в русском народном творчестве (на материале любовных баллад) // Филология: научные исследования. 2020. № 11. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2020.11.34242>
6. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989.
7. Евгеньева А. П. О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII-XIX вв. (постоянный эпитет) // Труды Отдела древнерусской литературы. 1948. Т. 6.
8. Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII-XX вв. М. – Л.: АН СССР, 1963.
9. Егорова О. А. К вопросу о жанровой специфике функционирования эпитетов в русских народных сказках // Филологический аспект. 2018. № 3 (35).
10. Жарникова А. В., Цыденова Е. Р. Национальное своеобразие культуры в традиционных сказочных формулах (на примере русской и английской сказок) // Социальные и гуманитарные науки. Юриспруденция: сборник трудов конференции, Улан-Удэ, 15-19 апреля 2024 г. Улан-Удэ: ФГБОУ ВПО Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2024.
11. Жирмунский В. М. К вопросу об эпитете // Поэтика: Хрестоматия по вопросам литературоведения для слушателей университета. М.: РОУ, 1992.
12. Котов А. А., Мухина Е. А. Об эпитетах в русских духовных стихах (на материале сборника В. Варенцова) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 8 (171).
13. Котов А. А., Мухина Е. А. Эпитеты в русских духовных стихах // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 6. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-6-245-266>
14. Лазутин С. Г. Поэтика русского фольклора. М.: Высшая школа, 1981.
15. Никитина С. Е. «Стихи духовные» Г. Федотова и русские духовные стихи // Федоров Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / вступ. ст. Н. И. Толстого; послесл. С. Е. Никитиной; подгот. текста и коммент. А. И. Топоркова. М.: Прогресс; Гнозис, 1991.
16. Никитина С. Е. Устная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993.
17. Петров А. М. Символика цветообозначений в русских духовных стихах // Филологические науки. 2011. № 5.
18. Потебня А. А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.
19. Потебня А. А. Мысль и язык. К.: Синто, 1993.
20. Селиванов Ф. М. Поэтика былин в историко-филологическом освещении (композиция, художественный мир, особенности языка). М.: Кругъ, 2009.
21. Селиванов Ф. М. Эпитет // Селиванов Ф. М. Поэтика былин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.
22. Слесарева Т. П. Семантика фольклорных эпитетов в былинных текстах // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2011. № 2.
23. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1996.
24. Черноусова И. П. Функция постоянных эпитетов в поэтике былины // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 3. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2024.14083>

Информация об авторах | Author information

Котов Андрей Александрович¹, к. филол. н., доц.
Мухина Елена Александровна², к. филол. н., доц.
^{1, 2} Петрозаводский государственный университет

Andrei Aleksandrovich Kotov¹, PhD
Elena Aleksandrovna Mukhina², PhD
^{1, 2} Petrozavodsk State University

¹ andrewcot1972@yandex.ru, ² kareliaptz@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 18.08.2025; опубликовано online (published online): 02.10.2025.

Ключевые слова (keywords): язык русских духовных стихов; атрибутивные конструкции; общефольклорные и межжанровые эпитеты; прилагательные-кolorативы; субавтор фольклорного произведения; language of Russian spiritual verses; attributive constructions; general folklore and intergenre epithets; colorative adjectives; sub-author of a folklore work.